

Другой дом (фрагменты книги)

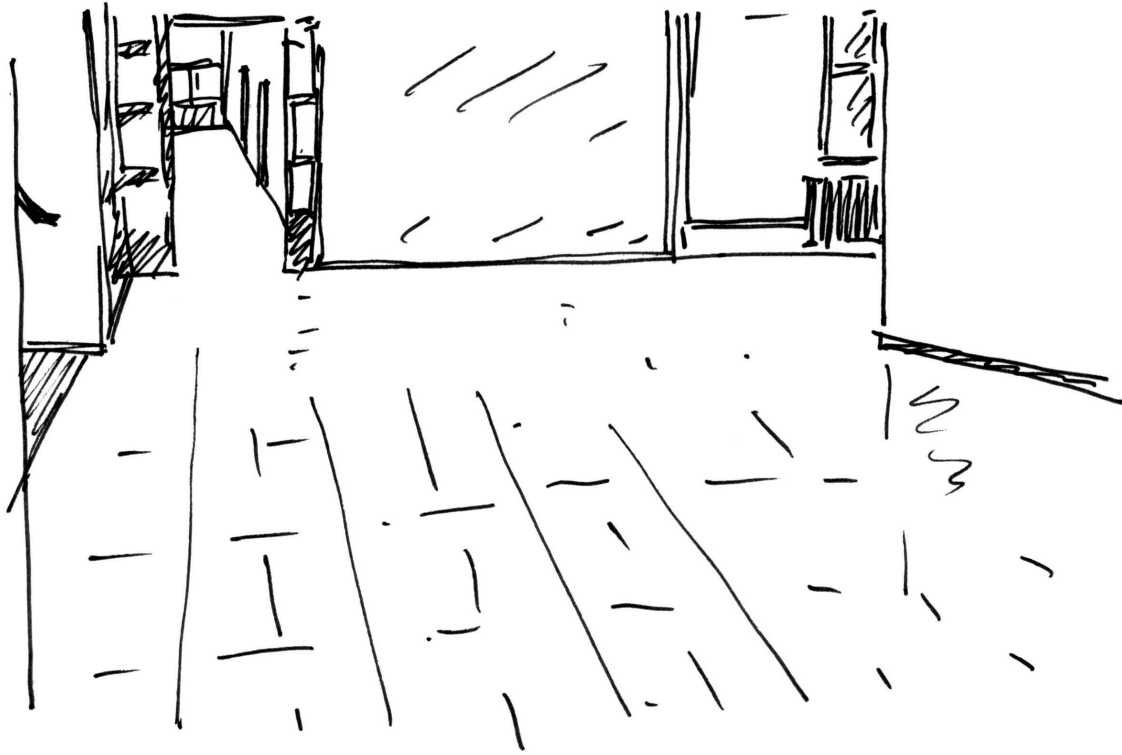
Заметки дневникового характера, дополненные серией рисунков, создают калейдоскоп историй о взаимодействии людей и построении сообщества.

Июль 2013

Лагерь

Я думаю, что лагерь для беженцев расположен в здании бывшей школы. Никто не может сказать точно, где он, никакой информации нигде нет. Но я хочу знать, где лагерь. Мне нельзя не знать. Пойти туда и спросить? А что дальше?

Бритый мужик перед входом, охранник, весь в черном. Привет, можно зайти? Начальница лагеря, Ирина, очень молода, не старше 25. Свою неуверенность компенсирует властью. "Мы всё делаем для этих людей. Курс немецкого языка, занятия спортом... Вы хотите рисовать с детками?" "Да. У вас есть где? Мне нужно помещение." Соглашается. Ведёт по коридору. Охранник со связкой ключей открывает нам дверь. Бывшее классное помещение. "Тут проходят занятия немецким," говорит Ирина. "Трахать Ирину" - написано на доске мелом по немецки. Красивое лицо Ирины заливается краской. Два бритоголовых охранника ржут за нашими спинами.

Студия

Сегодня четверг, мой последний день "работы" на этой неделе. Студия открыта с понедельника до четверга. Хорошо, что я оставила себе свободную пятницу. Начальная эйфория быстро прошла. Уже на второй день мне стало ясно, что всё не так просто.

Я купила две швейные машины б/у. Я думала, что поставлю их на столы, и женщины будут шить. Но оказалось, что большинство из них ни шить ни вязать не умеют. Но говорят, что

хотят научиться.

В первый же день в студию пришли четыре матери, каждая привела с собой детей. Я коротко пересчитала по головам. Около двадцати детей. В небольшой комнате сразу же стало тесно. Галина Ивановна, мама моей подруги, позвала женщин и показала на швейные машины. Я занялась детьми. Так всё началось.

Дети называют студию детским садом. Руководство общежития обязано нанять воспитателя для детей и обязано организовать свой садик. На двери в студию висела табличка с пометкой "детский сад". Но воспитатель отсутствовал. Как я позже узнала, его никогда не существовало.

Теперь я, наверное, воспитатель. За меня это решили дети. И я никогда не видела детей, особенно взрослых детей, которые бы так радовались детскому саду.

Новость о том, что "детский сад" открыт, распространяется слишком быстро. Каждый день приходит все больше и больше детей, мест на всех не хватает. Я не знаю, что будет дальше.

В среду я с семи утра я на ногах, готовлюсь. Покупаю краски, ножницы, бумагу, мыло и яблоки. Галина Ивановна опять идет со мной в общежитие. Мы поднимаемся по лестнице на третий этаж, дети несутся к нам на встречу.

"Детский сад?!" – кричат они и прыгают вокруг меня.

"В два часа, в два часа, сейчас еще нет", объясняю я им.

Мы готовим помещение, дети в это время штурмуют дверь. Ровно в два запускаем. Комната моментально заполняется обалдевшими от радости детьми.

Сегодня вырезаем портреты. Для лиц я заранее приготовила трафареты. Я подумала, что остальные детали дети сделают сами. Наклеят рот, нос, выберут подходящий цвет, вырежут волосы. Это же очень просто. Но нет. Большинство с трудом могут самостоятельно что-то делать. Даже если я рисую контуры, они не могут сами вырезать.

Четыре боснийские сестры. Они очень злятся, когда я путаю их имена, постоянно поправляют меня. Я тоже злюсь, что никак не запомню, как их зовут. Стресс. Куча детей, все орут, хотят, чтобы я помогала только им, зовут "Марина! Марина!".

Я прошу детей подписывать рисунки. "Очень хорошо. Прекрасно нарисовала, Виолетта", – хвалю я, считывая имя с рисунка. Сияющая улыбка мне в ответ.

Эти четыре сестры – они не могут или не хотят ничего делать сами. Я чувствую себя беспомощной. Большие девочки, двенадцать, десять, восемь и, наверное, пять лет. Самая младшая постоянно хватается меня за ногу. От этого я не могу ходить. Ребёнок поднимает руки вверх, карабкается мне на шею, обнимает меня и целует. Если я не успеваю повернуть голову в сторону, целует меня в губы. Красивые эти сестры, очень красивые девочки. Что с

ними будет? Закончат на панели. Я не могу подавить эту мысль. Кто станет их чему-то учить? Вчера я говорила с их матерью, сказала, что она должна прийти и помочь своим дочерям. Но она не пришла. У нее ещё двухлетний ребенок и она опять беременна. Разве от нее можно чего-то хотеть?

Через час я мокрая от пота. Новые дети продолжают приходить. За столом мест больше нет. Рассаживаю детей на пол, уже не успеваю раздавать бумагу. Начинаются драки за место и краски.

"Ты, чеченец!" – кричит один.

"Цыган!" – кричит другой. Они бросаются друг на друга, вцепляются друг другу в волосы. Я пытаюсь их разнять.

"Это он виноват! Ты тоже чеченка?" – этим он хочет сказать, что я не на его стороне.

Я не знаю, что ответить. Маленькая девочка плачет, потому что её сосед залил водой её рисунок. Успокаиваю её, беру на колени и вижу, как другой ребёнок размазывает толстым слоем краску по полу. Где же их мамы? Почему они не пришли сегодня? Мы же договорились, что сегодня шитьё.

– Где твоя мама?

– Нет дома. Пошла в магазин.

– А твоя мама где?

– Врач.

Ребёнок открывает рот и тянет за зуб.

– А, зубной врач, понятно.

Матери, вероятно, рады избавиться от своих детей. Я это прекрасно понимаю. Но я не смогу здесь справляться одна. Я смотрю на Галину Ивановну. Она, кажется, ничего не замечает.

"Такие хорошие детки, так замечательно рисуют", – говорит она, – "Могу ли я дать им конфеты?"

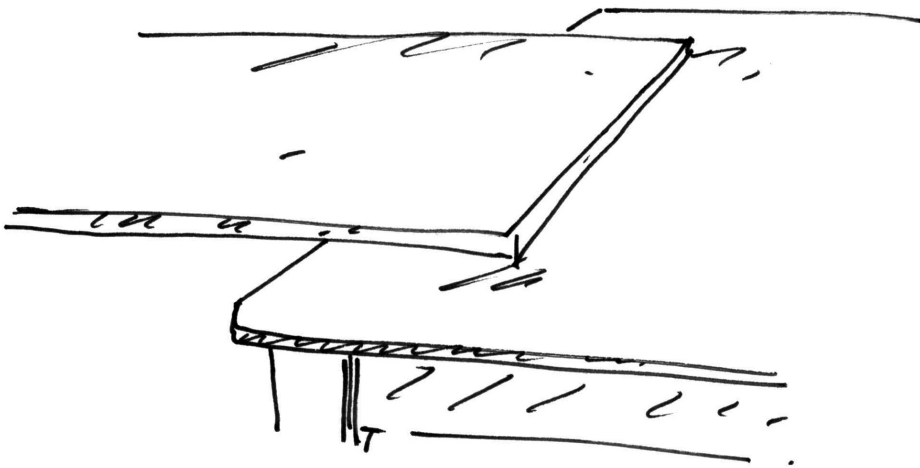
"Почему нет?" – отвечаю я и тут же жалею об этом. Галина Ивановна разворачивает мешок с конфетами, дети набрасываются на неё. Мне стыдно. До чего нужно довести детей, чтобы они так сражались за обычные конфеты?

Я решаю поговорить с матерями. Я должна им объяснить, что я не социальный работник и что я тут не на работе. Что мы можем сами организовывать занятия в студии и что мне нужна их помощь.

На коридоре я встречаю одну из мам. Она начинает извиняться, постоянно называя меня на "Вы".

"Нет, нет", - говорю я, - "не называй меня так, и тебе не за что извиняться. Просто постарайся прийти завтра. Для детей будет лучше, если их мама будет им помогать."

Но и на следующей неделе матери не приходят. Они появляются под конец занятий и помогают мне убирать в помещении. По крайней мере, они делают это, и я вижу, они рады, что я есть.

Сентябрь 2013

Инициатива

Тобиас создает Google-группу. Инициатива получает название: "Новое соседство / Моабит". Первое расписание мероприятий на неделю готово. Студия открыта с понедельника по четверг, в пятницу дискотека для детей, в субботу вечером кино, в воскресенье спорт в спортзале, куда раньше беженцев не пускали. Программа есть и она работает. Часто я ещё одна в студии с детьми, но всё больше людей приходят помогать.

Первая реакция от жителей общежития. Тамара, мать пятерых детей: "Вы принесли сюда жизнь. Дети так счастливы. Теперь им есть чем заняться."

Амина

Амина, 10 лет. Зажигает спичку, открывает рот, засовывает горящую спичку в рот, закрывает рот.

- Амина, ты что делаешь? Не боишься обжечься? Это же больно!

- Я ничего не боюсь, кроме Аллаха.

<u>Nummer</u>	<u>Raum</u>	<u>Nummer</u>	<u>Raum</u>
2505	0001	2012	0311
2013	0312	1519	0422
2505	0001	1015	0408
1015	0408	1019	0408
<hr/>		<hr/>	
1034		Bitte zum Antragsaufnahme	

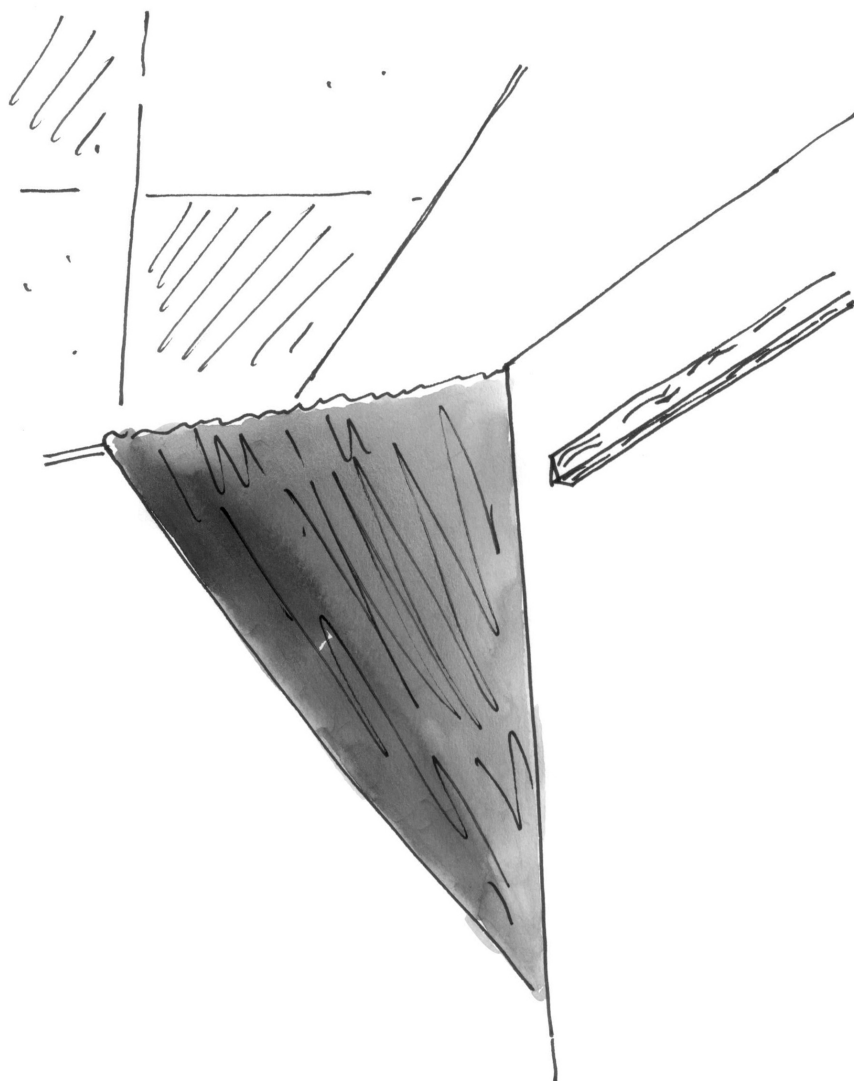
Вопрос

Звонок на мобильный. Мадина. Спрашивает меня, можно ли ей нелегально работать.

Январь 2014

Инициатива

Нас всё больше и больше. В основном приходят соседи по району. Самой младшей девятнадцать, самой старшей восемьдесят шесть. Занятия немецким. "Главное, чтобы люди преодолели страх и начали говорить, грамматика не имеет значения" – говорю я тем, кто пришёл в первый раз. "Люди должны чувствовать себя у нас комфортно, знакомиться, обзаводиться социальными контактами, в этом и есть наша основная задача". Идея срабатывает, но я часто вмешиваюсь, объясняю: "Вы не учителя, и люди, которые приходят к нам, – не ученики. Здесь не школа, тут нет фронтального обучения, нет иерархии. Мы не помогаем, мы учимся друг у друга. Общайтесь!"

5.45

В субботу мне позвонил Али. Попросил о встрече. Я попыталась отложить на другой день. Мне тоже нужны выходные. Тем более я не знаю, чем могу ему помочь. Но Али настаивал, ему было неудобно за это, и я поняла, что он просто никак не может ждать до понедельника. "Пятнадцать минут, не больше", - уверял он меня по телефону.

Али переехал несколько месяцев назад со своей женой и четырьмя детьми в другой район

Берлина, в другое, лучшее общежитие. У его жены рак, она нуждается в гигиене и душе с горячей водой. Того, чего нет в "нашем" общежитии. После их переезда я часто видела Али в городе, спрашивала, как семья и здоровье жены. Он никогда не жаловался и говорил, что у них всё хорошо.

Опаздываю. Али с женой и дочкой уже ждут на улице перед дверью.

"В пятницу они попытались нас депортировать." Это первое, что говорит мне Али.

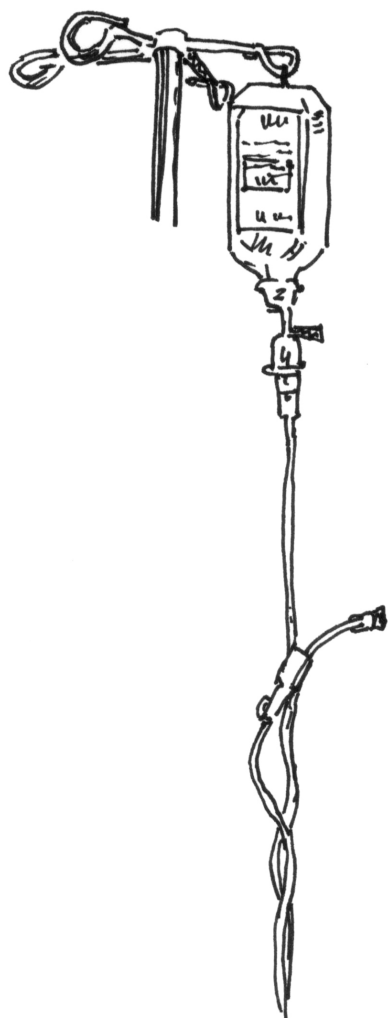
Я вспоминаю, что видела Али как раз в пятницу днем, когда ходила с Залимой к адвокату. Я встретила его перед дверью, мы заходили, он выходил. Он, как всегда, улыбнулся и сказал, что у них всё в порядке. Как оказывается, совсем даже не в порядке,

"Они пришли в пять сорок пять утра. Трое полицейских зашли прямо к нам в комнату" – рассказывает Элина. "Мы все спали. Я сначала подумала, что это обыск. Не знаю, почему я так решила. Но когда они открыли шкаф, вытащили сумки и начали бросать наши вещи в чемодан, я поняла, что происходит. Они даже начали подбирать одежду детям и сказали им одеваться".

"Полицейские пытались вывести нашу дочь из комнаты в коридор. Не знаю, зачем. Возможно, надеялись, что мы пойдем за ней" – говорит Али.

"Я открыла окно. И с того момента я не помню себя. Я кричала, бросала всё на пол, потом упала в обморок. Полиция вызвала врача, он приехал в сопровождении ещё четырех полицейских. Они замерили мой пульс. Муж показал документы из больницы и показал мою открытую рану на груди. Только после этого они стали вести себя осторожнее.

"Сказали, что справки с диагнозом не было в наших документах. Но адвокат же говорила, что отправляет все справки в ведомство и что во время лечения они не могут с нами ничего сделать? Оказывается, они ничего не знали о болезни. Потом они даже извинились перед детьми" – добавил Али и мрачно улыбнулся.

Такси

- Залима, как вы приехали в Германию? Через Польшу?

- Да, Марина.

- И как вы добирались с таким количеством детей?

- Ой, не спрашивай меня об этом. Сама не знаю, как это у нас получилось. Я думала, не

переживу дорогу.

- А из Польши в Германию на чём?

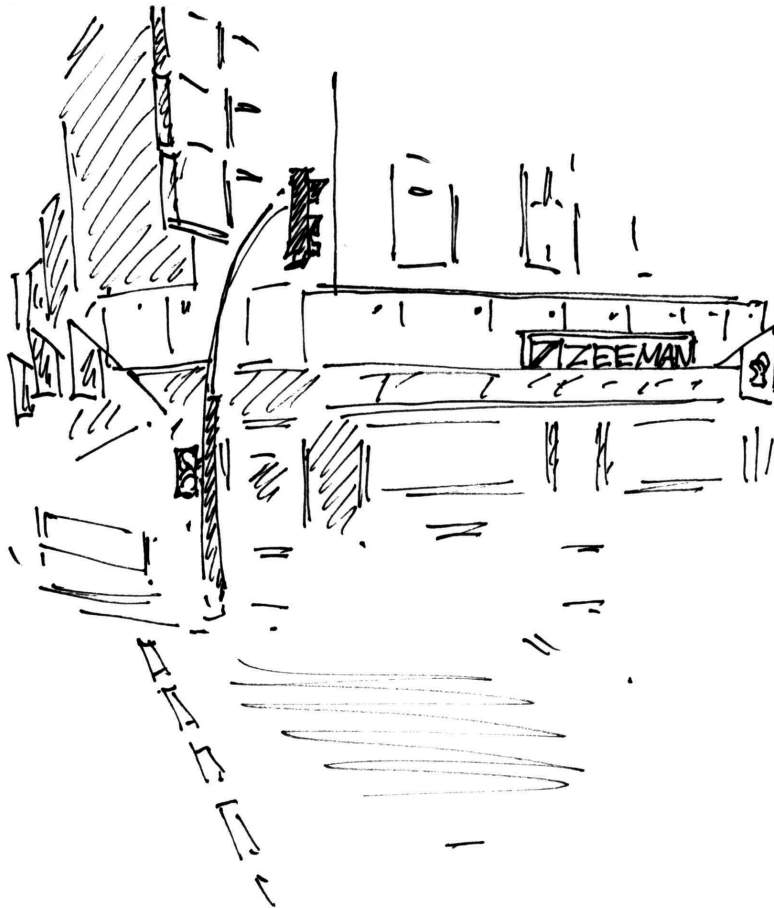
- На такси.

- Такси?

- Да. У одного моего родственника в Польше такси. Он и завёз нас в Берлин.

- Дорого обошлось?

- Тысяча евро. Но это ещё нормально. Он же мой дядя.

Февраль 2014

Новые задачи

Проводим мероприятия каждый день, неделю за неделей, без перерыва.

Во время занятий немецким беженцы распаковывают письма, просят помочь им разобраться. Центр регистрации, агентство по трудоустройству, решения суда, апелляции адвокатов, медицинская страховка, счета за оплату электричества, выборы на оплату радио и телевидения - без знания языка и системы всё превращается в проблему. Людям нужна

помощь и сопровождение: врач, министерство, школа, адвокат...

Нам нужно больше волонтеров. Больше тех, кто может ходить с людьми по инстанциям. Не каждый с этим справляется. Это должны быть особенные люди, те, кто готов взять на себя ответственность, кто умеет бороться и отстаивать своё мнение перед работниками госорганов. Некоторые из нас говорят на русском, сербском, арабском. Мы уже со многим научились справляться, но задачи усложняются и их становится больше. Беженцы приводят своих родственников и знакомых, передают номера наших телефонов по всему Берлину.

Собрание инициативы. Нас много. Около сорока человек. Мы создаем рабочие группы: группа немецкого, группа для занятий с детьми. Хайке формирует рабочую группу для административных процедур, распределяет задачи. Большинство из них ей придется решать самой.

К сожалению

Детский сад: "Еще один ребёнок беженцев?!.. Как же мы тогда обеспечим немецких детей? Нет, к сожалению, мест совсем нет."

Приглашение

Сегодня я приглашена на ужин к Зарине. Зарина – молодая чеченская мама с тремя детьми: три, два и один год. Зарина мне очень нравится.

“Марина, в прошлую пятницу ты где была? Я приготовила для тебя ужин, прождала тебя весь вечер, а ты не пришла, хотя обещала.”

Глупо, но я не могу вспомнить об обещании. Это был, наверное, один из тех вечеров, когда я очень спешила. После того как я закрываю студию в общежитии, люди поджидают меня на лестнице, каждый со своими проблемами. Иногда два часа уходит только на то, чтобы спуститься с одного этажа на другой. И если я не успеваю поговорить со всеми, я говорю, что зайду завтра. То, что меня потом ждут часами в комнате, – этого я себе представить не могла.

Теперь я буду более внимательной. Теперь я знаю, что каждое слово – закон. И в этот раз мы чётко договорились. В половине седьмого у Зарины.

В девять часов утра я иду с Маликой к детскому врачу. Ждём три часа в очереди. Потом обратно в общежитие, студия с детьми, вечером веду старшего сына Айши на футбол и потом опять в общежитие. На самом деле я бы уже могла и переночевать здесь...

Точно в половине седьмого стучу в дверь Зарине. Она радостно встречает меня. Её муж Адам тоже "дома". И Фатима. Обе женщины заняты готовкой. На маленьком столе они

раскатывают тесто. Зарина режет его на на мелкие полоски. Я тоже сажусь за стол. Это единственный стол в комнате.

Комната Зарины расположена на первом этаже. Места мало для двух взрослых и троих детей. Мебели минимум: две кровати, раскладушка, небольшой холодильник и шкаф, делящий комнату на два помещения. Рядом со мной стоит коляска, в ней спит младшая дочь Зарины. Ребенок Фатимы уложен на большой кровати. Он тоже спит. Остальные дети играют на полу и постоянно выбегают из комнаты в коридор и обратно.

Несмотря на всё, тоску особенно наводят бледно-желтые, покрашенные лаком стены, чувствуется домашняя обстановка. Это из-за женщин. Видно, что они действительно рады. Рады, что у них гости, рады приготовить любимую еду.

Готовят на небольшой электрической плитке на полу. Пока вода греется, приходит вечность. Зарина кидает полоски теста в кипящую воду. Она говорит мне, что ей не разрешается пользоваться общей кухней, потому что она с семьей скоро должна переехать в другой город. Я вспоминаю, как мне недавно жаловался один молодой отец, что его семье тоже не разрешено готовить в общей кухне. "Мы здесь меньше чем три месяца, поэтому нельзя. Так сказала начальница", – сказал он и опустил пластиковые упаковки с едой, которые только что получил в столовой, в мусорный бак. "Несъедобно", – пояснил он.

Первая порция готова. Зарина ставит передо мной полную до краев тарелку. "Ешь, Марина, пожалуйста, ешь" – говорит она.

На всех есть только одна тарелка, нож тоже один на несколько семей.

Трехлетняя дочь Зарины бежит с ножом по лестнице на третий этаж к Малике, потом бежит с ножом обратно к нам.

Муж Зарины садится рядом со мной. Мы едим из одной тарелки. Я смотрю, как он ест, погружая лапшу в чесночный бульон, и повторяю за ним. Вкусно. Очень. Женщины нарезают салат и кормят детей грудью. Одна кормит, другая режет, потом наоборот. Муж Зарины рассказывает мне, что надежды остаться в Германии у него больше нет. Он даже думает о

возвращении в Чечню. Он достаточно пережил и натерпелся. На польско-немецкой границе семью разъединили. Зарину с детьми отправили в лагерь для беженцев, а муж оказался в тюрьме в другом городе, где его уже готовили к депортации. Зарина нашла адвоката и отдала последние деньги, чтобы его выпустили.

"Мы не хотим ехать в Польшу, тогда уже лучше сразу в Чечню." – говорит Адам. – "Я не хочу больше в тюрьму. Польские тюрьмы переполнены чеченцами. Не поеду в Польшу ни за что."

Он разговаривает со мной, ест и одновременно говорит с кем-то ещё по мобильному. Адам держит телефон перед собой так, чтобы его видели в стриме. Потом он показывает мне отрывок из вечерних новостей Первого российского канала на ютьюбе. Репортаж о Чечне, о том, как женщина заказала убийцу, чтобы избавиться от мужа. Адам смеется. Над чем, непонятно. То ли над женщиной, то ли над российским телевидением.

Когда Адам уходит и мы остаемся с женщинами одни в комнате, они тут же спрашивают меня, сколько мне лет.

– Тридцать один. А тебе, Зарина?

– Двадцать исполнилось.

Я с трудом в это могу поверить. Никогда бы не подумала, что ей только двадцать.

– Адам, это твоя большая любовь? Сколько же тебе было, когда вы познакомились? Когда ты успела родить троих детей?

– Пятнадцать, Марина. Я только закончила девятый класс. Я хотела учиться на парикмахера или швею. Но меня украли. Адам и его друзья.

Я молчу. Я не знаю, что на это сказать.

"А меня не крали" – говорит Фатима и улыбается. – "Я так боялась отца, что быстро вышла замуж, только чтобы уйти из дома."

– Вы скучаете по родителям?

– Да, конечно. По мамам. Звоним каждый день. Они беспокоятся за нас.

Я думаю, что мы можем подружиться. Но мне никак не удастся вести непринужденный разговор. Я никогда этого не умела. Мне хочется узнать о них больше, но я не знаю, как. Даже самый простой вопрос означает откровение. Готовы ли они рассказать мне о себе, готова ли я узнать об этом? Я обдумываю, как могу аккуратно спросить, и делаю всё наоборот.

"Почему вы решили уехать из дома?" – спрашиваю я прямо.

"Мы больше не могли так жить. Работы нет. Мужчинам можно пойти в армию. Но уволиться

оттуда нельзя. Многие не возвращаются... Их убивают. Если ты здоров, можешь работать на стройке, но после этого ты калека." – говорит Зарина.

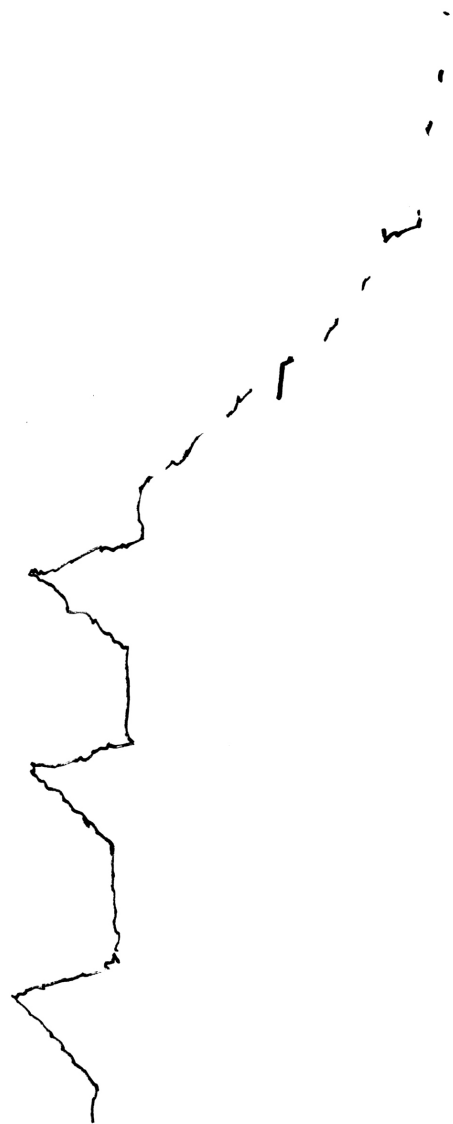
"Правительство ввело налоги даже на деревья. Наши соседи спилили весь сад. Есть налог на корову и даже за куриц нужно теперь платить" – добавляет Фатима.

В комнату заходит Адам. Он садится на диван, снимает ботинки, носки, поливает водой из тетрапака ноги. Молится.

Младший сын Зарины садится на горшок и какает. Запах быстро распространяется по комнате.

Салаты готовы. Два поддона, аккуратно залитых майонезом. Меня просят за стол. Есть я больше не могу. Но я знаю, что отказываться нельзя.

"Этот салат называется "белая невеста", – говорит Зарина и опускает мне на тарелку два яйца в майонезе и сыре.

Декабрь 2014

Я

Всё свое время трачу на инициативу. Я уже не радуюсь очередным приглашениям участвовать в выставках, отказываю в поездках кураторам. После десяти лет работы и пребывания на арт-сцене она потеряла для меня свою значимость.

"Она больше не занимается искусством, занимается социальной работой" – говорят обо мне коллеги. Но не само искусство, а система вокруг него больше не интересует меня.

Если на выставки ходят только представители самой арт-сцены, если об искусстве пишут одни и те же люди, если, независимо где, в какой стране и на каком континенте ты находишься, встречаешь одних и тех же "профессионалов международной арт-сцены", если олигархи и коррумпированные правительства используют искусство для собственного имиджа, если художники только и делают, что подражают друг другу, а кураторы используют один и тот же элитарный, понятный только избранным язык, – то это не развитие, это движение назад.

"Искусство всегда было роскошью" – объясняет моя хорошая знакомая, куратор левой художественной сцены, приглашая меня к участию в проекте о политических и социальных конфликтах в современном обществе.

Нет, искусство – это не роскошь. Ни в материальном, ни в интеллектуальном плане. А я была и остаюсь художницей. Каждый день я использую свои знания и применяю искусство на практике. В этом для меня и есть смысл искусства.

Новости

Ночь. Звонок на мобильный. Залима: "Марина, привет, ты спишь? Я просто спросить хотела, есть ли от адвоката новости?"

Выходные

Воскресенье, десять утра. Звонок на мобильный. Фатима.

– Марина, у тебя сейчас есть время? Можешь поехать со мной в больницу?

– Когда?

– Сейчас.

– Фатима, что случилось?

Я не хочу ехать ни в какую больницу. Я хочу провести воскресенье дома.

- Мурат в психиатрии. Но, пожалуйста, не по телефону...

Я быстро соображаю. Вариант проведения выходных в психиатрии не радует.

- Тебе действительно нужно ехать туда прямо сейчас?

- Да.

- Понятно. Давай через 15 минут возле булочной.

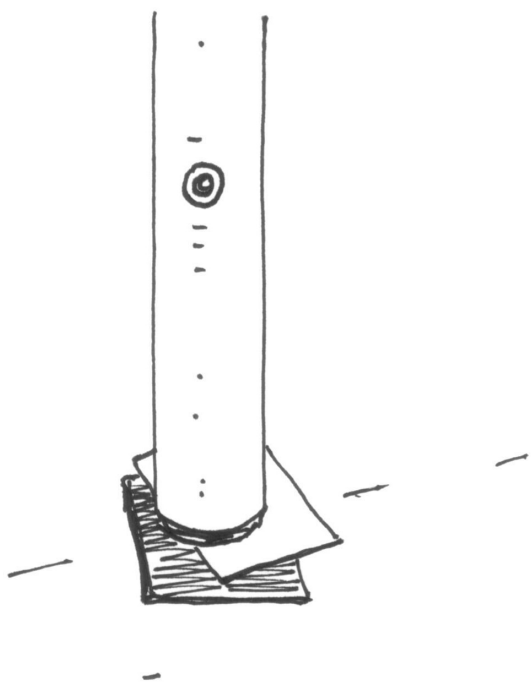
Фатима нервно улыбается и рассказывает, что Мурат сегодня ночью вскрыл себе вены. Она просит меня поехать с ней в больницу, чтобы поговорить с врачом.

- Ты знаешь, зачем он это сделал?

- Его спровоцировал сам врач. Сказал ему: "Ты же хотел себя убить. И что? Видишь, ничего не случилось. Ты не выпрыгнул из окна, не бросился под поезд." После этого Мурат пришел домой и порезал вены.

- Дети это видели?

- Нет, они спали.

Задница

Я в гостях у Умара и Динары в общежитии для беженцев в районе Берлина Хоэн-Шёнхаузен. Умар в России был журналистом. Его коллегу убили. Умара пытали.

"Единственное, что нам нужно, – это работа и курс немецкого." – говорит мне Умар. –
"Больше ничего. И как раз этого нам не дают. За нас всё оплачивают, но не дают ничего
делать. От этого можно сойти с ума".

"Марина, мы ищем квартиру", – говорит Динара.

"Я знаю. Все ищут."

"Я не понимаю", – рассказывает Умар. – "Я вот нашел квартиру за семьсот евро. На двадцать
евро больше, чем они могут за нас платить. Мы хотели платить эти чертовы двадцать евро
сами. Но нет, они на это не согласились. А эта наша комната в общежитии стоит около двух
тысяч евро в месяц. Это они оплачивают. Не странно ли?"

Я пытаюсь сменить тему: "Чем тут на районе можно заняться? Куда можно пойти? С детьми,
например?"

"Тут нет ничего, ничего. Если у Берлина есть задница, то она тут."

*На момент издания книги (август 2015, <http://www.europa-verlag.com/buecher/neue-heimat/>
) наша инициатива организовала более шестиста мероприятий с беженцами.*